

УДК 82

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В СТИХОТВОРЕНИЯХ А.Т. ТВАРДОВСКОГО КАК КОМПЛЕКС СЕМЕЙНО-РОДОВЫХ МОТИВОВ

К.А. Суровцева (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Статья посвящена исследованию поэтической репрезентации исторической памяти в стихотворениях А.Т. Твардовского. Работа строится на анализе ключевых мотивов довоенного, военного и послевоенного этапов творчества поэта.

Цель статьи – выявить, посредством каких мотивных и жанровых аспектов реализуется тема памяти в каждом периоде творчества А.Т. Твардовского.

Методология. Работа выполнена на пересечении нескольких продуктивных аналитических подходов – исторической поэтики, жанрологии как ее слагаемого, современных исследований коммеморативного аспекта культуры.

Результаты исследования. Ключевую роль в текстах поэта играют жанровые формы элегии и баллады, используемые автором для проявления индивидуальной и коллективной памяти. Если элегия преимущественно связана с памятью отдельно взятого героя, то баллада – с памятными событиями для всей нации. В послевоенных стихотворениях А.Т. Твардовского особое значение приобретают проблемы преемственности поколений и сохранения памяти об умерших.

Выводы. Тема памяти в творчестве А.Т. Твардовского эволюционировала от индивидуальных воспоминаний о семье и доме до выражения всеобщего опыта войны, а затем вновь вернулась к переживаниям о личных утратах.

Ключевые слова: А.Т. Твардовский, тема памяти в советской литературе о Великой Отечественной войне, элегия, баллада.

Постановка проблемы. В отечественной коммеморативной традиции одним из репрезентативных примеров актуализации исторической памяти являются тексты, связанные с Великой Отечественной войной, которая, задев в 1940-е гг. абсолютно каждого человека, становится одновременно памятью семейной и общенациональной. А.Т. Твардовский, один из главных поэтов этого периода, реализует историческую память в своих текстах как комплекс семейно-родовых сюжетов и мотивов, которые объединяют индивидуальное и коллективное: *Страна моя, земля моя, / Одна – родня, одна – семья. <...> Стократ сильнее теперь любя, / Встаем с оружием за тебя. / Встанут отцы и сыновья... / Страна моя, семья моя!*¹ («Отец и сын», 1941). По воспоминаниям дочерей поэта, «интуиция и мудрость подсказали Твардовскому, что “в тяжкий

¹ Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 2: Стихотворения (1940–1945). С. 38.

час земли родной” надо говорить только о главном и вековечном – о Родине большой и малой, о семье и доме, о долге и чести, о жизни и смерти» [Твардовская В., Твардовская О., 2023, с. 16].

Жизнь А.Т. Твардовского совпала с главными историческими потрясениями XX в.: сложную картину памяти о них он воссоздает в своих произведениях. В период насильственной коллективизации и репрессий семью поэта вывезли под конвоем в глухое поселение за Уралом. Через некоторое время А.Т. Твардовский был назначен на должность фронтового журналиста во время советско-финской войны. По воспоминаниям поэта, «месяцы фронтовой работы в условиях суровой зимы сорокового года в какой-то мере предварили для меня военные впечатления Великой Отечественной войны. <...> Глубина всенародно-исторического бедствия и всенародно-исторического подвига в Отечественной войне с первых дней отличили ее от каких бы то ни было иных войн, и тем более военных кампаний»².

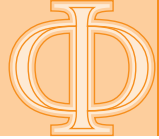
Ориентируясь на отмеченную самим поэтом важность влияния Великой Отечественной войны на свои тексты, мы условно выделили три периода творчества А.Т. Твардовского – довоенный, военный и послевоенный – и построили анализ на основе этой периодизации.

Цель статьи – выявить, посредством каких мотивных и жанровых аспектов реализуется тема памяти в каждом периоде творчества А.Т. Твардовского. По утверждению С.Р. Тумановой, «темы и образы довоенных поэм и лирики [Твардовского] оказываются теми мощными ростками, которые дают впоследствии огромные плодоносящие деревья» [Туманова, 2009, с. 28]. Поэтому для достижения поставленной цели проследим в своем исследовании, как перекликаются между собой темы и мотивы из разных периодов творчества поэта. Также конкретизируем жанровую природу привлеченных тестов и покажем преемственность А.Т. Твардовского относительно канона. На переднем плане здесь должны находиться жанры, поэтика которых содержит мнимообразы: элегия и баллада. Как подчеркивал С.Л. Страшнов, «1941–1945 годы – один из самых ярких и насыщенных периодов в советской поэзии. Принципиальными свершениями отмечен он в истории балладного жанра. Вновь, как в начале 20-х, баллада широко распространяется, становится подлинной “формой времени”» [Страшнов, 1990, с. 78].

Методология. Работа выполнена на пересечении нескольких продуктивных аналитических подходов – исторической поэтики, жанрологии как ее слагаемого, современных исследований коммеморативного аспекта культуры.

Результаты исследования. Каждый из выявленных этапов поэт воспроизводит как «глубоко трезвый (то есть исторически мыслящий) истолкователь и осмыслитель современных нам общественных сдвигов и событий» [Вильям-Вильмонт, 1946, с. 200]. Подчеркнем общее: А.Т. Твардовский в стихотворных

² Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1: Стихотворения (1926–1940). С. 26.

текстах часто использовал слова, связанные с семантикой памяти или противоположенного запоминанию забвения в названиях стихотворений – «Памяти³ Ленина» (1948–1949), «Их памяти» (1949–1951), «Жестокая память» (1951), «Памяти матери» (1965), «Памяти Гагарина» (1968) – и в самих текстах:

– Ты присела, молодая, / Под горячую копной. / Ты забылась, напевая / Эту песню надо мной⁴ («Песня», 1936);

– И глубоко сознаю, / Радуюсь открыто, / Что ничье в родном краю / Имя не забыто⁵ («Станция Починок», 1936);

– Я в памяти все / Берегу, не теряя, / За тысячу верст / От родимого края⁶ («За тысячу верст», 1938);

– Лишь донес до лица / Грустный памятный запах / Молодого сенца⁷ («Поездка в Загорье», 1939);

– В лесу, возле кухни походной, / Как будто забыв о войне, / Армейский сапожник холодный / Сидит за работой на пне⁸ («Армейский сапожник», 1942);

– Мне жалко запаха лесного / Дровец, наколотых в снегу, / Всего, чего я вспомнить снова, / Не вспомнив немца, не могу⁹ («В Смоленске», 1943);

– И чем бездомней на земле / Солдата тяжкий быт, / Тем крепче память о семье / И доме он хранит. / Забудь отца, забудь он мать, / Жену свою, детей, / Ему тогда и воевать / И умирать трудней¹⁰ («Зачем рассказывать о том», 1943);

– Стучит в сердца, владеет нами, / Не отпуская ни на час, / Чтoб наших жертв святая память / В пути не покидала нас¹¹ («Та кровь, что пролита недаром», 1957) и т.д.

1. Довоенный период

М.О. Чудакова отметила важную особенность ранних произведений автора: «В цикле 1936 года поэт обращается к фундаментальным в человеческой жизни отношениям – муж и жена, мать и сын, мать и дочь, мужчина и женщина <...>, “я” и все другие, – причем везде члены этих отношений помещены автором, помимо своего бытового, внутреннего, круга, – в огромный внешний континуум. Он обращается также к универсалиям человеческой жизни: смерть, жизнь (белый свет), прошлое, текущее» [Чудакова, 2002, с. 247]. В.М. Акаткин видит в этом признаке свойство всех текстов поэта: «Деды и внуки, отец, мать и дети, семья, страна, народ – это опорные, сущностные смыслы всего его творчества, всей его поэтической мифологии» [Акаткин, 2006, с. 82].

³ Здесь и далее все подчеркивания принадлежат автору статьи.

⁴ Твардовский А.Т. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: СЛОВО, 2008. С. 38.

⁵ Там же. С. 40.

⁶ Там же. С. 76.

⁷ Там же. С. 78–79.

⁸ Там же. С. 104.

⁹ Там же. С. 110.

¹⁰ Там же. С. 111.

¹¹ Там же. С. 154.

Для первого – довоенного – периода характерно конструирование индивидуальной памяти, связанной с воспоминаниями отдельно взятого человека. И сюжет обычно строится вокруг личного события и истории одной семьи:

– *И, закулив, чтоб дрема не напала, / Он вспомнит детство, побирушку-мать... / И многое, что без него, пожалуй, / Уж некому теперь и вспоминать...*¹² («Бабушка», 1933);

– *Выезжали на ночь в холодок, / Чтобы к утру на базаре быть. / Помнишь, клали косу в передок, – / Травки по дороге укусить*¹³ (1934);

– *Тревожно-грустное ржанье коня, / Неясная близость спящего дома... / Здесь и собаки не помнят меня / И петухи поют незнакомо*¹⁴ (1934);

– *Шли годы за годами неприметно. / И оглянулась на судьбу свою – / Немолодой, чужою всем, бездетной... / Чего хотеть и ждать, болеть о ком?*¹⁵ (1934);

– *Помню, в детстве, некий дядя Тихон, / Хмурый, враспояску, босиком*¹⁶, – («Смоленщина», 1935);

– *Век так жили. Бить – не бил. / Соблюдал в семье согласие, / Но за двадцать лет забыл, / Что зовут тебя Настасьей*¹⁷ («Встреча», 1936);

– *Вижу я твою головку / В беглых тенях от ветвей, / И холстинковое платье, / И загар твой до локтей. / <...> / Ничего. Перехворюю. / Позабуду как-нибудь*¹⁸ («Размолвка», 1936);

– *Есть береза влобхвата, / Та береза на дворе, / Где я вырезал когда-то / Буквы САША на коре...*¹⁹ («Есть обрыв, где я играя», 1936);

– *О детстве горьком, захолустном / Я вспоминаю потихоньку / И чуть завистливо, чуть грустно / Смотрю на милую девчонку. / <...> / И все хочу тебе я что-то / Сказать, но не умею, дочка*²⁰ («Дождь надвигается внезапный», 1936);

– *Здравствуй, сверстница и тезка, / Я – большой, и вы – большая. / Ваша взрослая прическа / Что-то вспомнить мне мешает*²¹ (1936);

– *Детство бедное. Хутор далекий. / Ястреб медленно в небе кружит. / Где-то здесь, на горе невысокой, / Дед Гордей под сосенкой лежит...*²² («Дорога», 1937);

– *Слышу, крикнули: / – Саня! – / Вздрогнул, нет, – не меня*²³ («Поездка в Загорье», 1939).

¹² Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1: Стихотворения (1926–1940). С. 64.

¹³ Там же. С. 72.

¹⁴ Там же. С. 86.

¹⁵ Там же. С. 87.

¹⁶ Там же. С. 89.

¹⁷ Там же. С. 96.

¹⁸ Там же. С. 107.

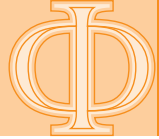
¹⁹ Там же. С. 120.

²⁰ Там же. С. 123.

²¹ Там же. С. 124.

²² Там же. С. 132.

²³ Там же. С. 132.

Через образ матери поэт с любовью, теплотой и светлой грустью воссоздает биографические детали своей жизни: *И первый шум листвы еще неполной, / И след зеленый по росе зернистой, / И одинокий стук валька на речке, / И грустный запах молодого сена, / И отголосок поздней бабьей песни, / И просто небо, голубое небо – / Мне всякий раз тебя напоминают*²⁴ («Матери», 1936). Также в этих стихотворениях-воспоминаниях мы узнаем отчество матери поэта («Ну-ка, слушай, мать родная, / Митрофановна моя»²⁵, («Песня», 1936) или понимаем, что брат автора был сослан (*Лет семнадцать тому назад / Мы друг друга любили и знали. / Что ж ты, брат? / Как ты, брат? / Где ж ты, брат? На каком Беломорском канале?*²⁶ («Братья», 1933). Вероятно, такая ностальгия связана с чувством вины перед ссыльной семьей, ведь сам поэт смог избежать ареста, признав коллективизацию: *На хуторе Загорье – / Второй у батюки сын – / На старое подворье / Приехал я один. / А где ж вы, братья, братцы, / Моя родная кровь?*²⁷ («На хуторе Загорье», 1939). В названиях стихотворений часто фигурируют родственные обозначения: «Матери» (1927), «Братья» (1933), «Невесте» (1936), «Сын» (1936), «Мать и сын» (1937), «Мать и дочь» (1938), «Дети» (1938), «Сын мой уснул, разметавшись...» (1938) и т.д.

Наряду с образом матери, символизирующим связь с прошлым, в первом периоде появляется образ печи. Печь – это объединяющая семью сила, она согревает не только комнату, но и сердца, а священный чистый огонь в печи напоминает о чувствах и возрождает их: *Мы на свете мало жили, / Показалось нам тогда, / Что на свете мы чужие, / Расстаемся навсегда. / Ты вернулась за вещами, / Ты спешила уходить. / И решила на прощанье / Только печку затопить. / Занялась огнем береста, / И зацелкали дрова. / И сказала ты мне просто / Настоящие слова. / Знаем мы теперь с тобою, / Как любовь свою беречь. / Чуть увидим что такое – / Так сейчас же топим печь*²⁸ («Мы на свете мало жили...», 1938).

Печь – важный атрибут «живого» дома, заряжающий здоровьем и благополучием. Подтверждение этому найдем в рассказе уже послевоенного периода «Печники» (1953–1958): *Это был не только источник тепла, не только кухня, но и хлебопекарня, и универсальная сушилка, и баня, и прачечная, и, наконец, излюбленное место сладостного отдыха после дня работы на холоде, с дороги или когда что-нибудь болит, ломит, знобит. Словом, без хорошей печи нет дома*²⁹.

Вспомним о магических свойствах печи в славянской культуре: она воспринималась как сакральный посредник между «живым» миром и миром «мертвых»,

²⁴ Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1: Стихотворения (1926–1940). С. 149.

²⁵ Твардовский А.Т. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: СЛОВО, 2008. С. 37.

²⁶ Там же. С. 26.

²⁷ Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1: Стихотворения (1926–1940). С. 202.

²⁸ Там же. С. 161.

²⁹ Твардовский А.Т. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: СЛОВО, 2008. С. 661.

то есть связана с памятью о предках. «Печная труба – специфический выход из дома, предназначенный в основном для контактов с иным миром»³⁰. Тогда печники ассоциируются с шаманами или колдунами, владеющими этим даром культурной связи: *О печниках, об их своеобразном мастерстве, исстари носившем оттенок таинственности, сближавшей это дело чуть ли не со знахарством, – обо всем этом я знал с детства, правда, не столько по живой личной памяти, сколько по всевозможным историям, легендам и анекдотам*³¹.

Образ печи, переплетающийся с чувством памяти о доме и его забвении, с мотивом потери домашнего очага, появляется в стихотворении «На старом дворе» (1939). Оно приобретает элегический модус «настоящего в ценностном свете прошлого» [Козлов, 2013, с. 20]. В редакциях разных лет стихотворение имеет несколько названий. То это «Последний день на хуторе» в журнале «Звезда» (1940), то это два самостоятельных текста «Печка» и «Прощание» в книге стихотворений «Загорье» (1941). Такое внимание к деталям и поиск форм демонстрируют особое отношение автора к стихотворению, родившемуся после поездки поэта по родным местам в 1939 г.

Стихотворение «На старом дворе» композиционно делится на две части. Первая начинается как классическая элегия, связанная с темой руин. А.Т. Твардовский работает с «памятью жанра», используя ряд характерных мотивов: ветхий дом, заброшенная дорога, запустение: *Во ржи чудно и необычно – / С полуобрушенной трубой, / Как будто памятник кирпичный, / Стоит она сама собой. / Вокруг солома в беспорядке, / Костра сухая с потолка, / Плетень, поваленный на грядки, / И рытый след грузовика. / Пустынно. Рожь бушует глухо, / Шумит – и никого кругом*³². Также поэт задействует мотив воспоминания, жанрообразующий для элегии: *И хоть вокруг ни сошки нету, / От печки той одной – нет-нет, / Повеет деревом согретым, / Прокопченным за много лет. / Повеет вдруг жильем обжитым: / Сениями – сени, клетью – клеть. / И что-то вправду здесь забыто, / И жаль, хоть нечего жалеть*³³. Вторая часть стихотворения уже обращена не к прошлому, не к воспоминаниям, а к предстоящей жизни старухи в новом месте³⁴: *Живи, живи да молодеи! / Там, где отныне двор, где люди, / Где всем углам иная стать, / В других окошках солнце будет / Выходить, в других в полдни стоять. / Там, где и улица и речка, / Где ближе к дому белый свет, – / Дымить уже не будет печка, / Как эта здесь от ветхих лет*³⁵.

³⁰ Топорков А.Л. Печь: словарная статья // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 39.

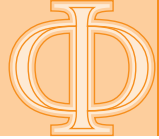
³¹ Твардовский А.Т. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: СЛОВО, 2008. С. 660.

³² Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1: Стихотворения (1926–1940). С. 198.

³³ Там же. С. 198.

³⁴ С.Р. Туманова отмечает «присущее всей его [Твардовского] лирике соединение настоящего с прошлым и будущим» [Туманова, 2011, с. 272].

³⁵ Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1: Стихотворения (1926–1940). С. 198–199.

В стихотворении «Я иду и радуюсь. Легко мне» (1934) воспоминаний нет, но появляется элегический мотив узнавания: *Я тебя не знаю и не помню, / Мой товарищ, мой безвестный друг. / Где ты пал, в каком бою – не знаю, / Но погиб за славные дела, / Чтоб страна, земля твой родная. / Краше и счастливее была. / Над полями дым стоит весенний, / Я иду, живущий, полный сил. / Веточку двурогую сирени / Подержал и где-то обронил... / Друг мой и товарищ, ты не сетуй, / Что лежишь, а мог бы жить и петь, / Разве я, наследник жизни этой, / Захочу иначе умереть!..*³⁶ По словам В.И. Козлова, элегическое «узнавание основывается на предзаданном понимании лирическим субъектом ценностей умершего и безымянного другого – именно этот другой и опознается как носитель этих ценностей» [Козлов, 2013, с. 49].

В стихотворение «Катерина» (1936) проникают элегические мотивы личного переживания, утраты, тоски об умершем: *Тихо, тихо пошла грузовая машина, / И в цветах колыхнулся твой гроб, Катерина, / <...> / Мы ее не забудем. И вырастим сына. / И в работе своей не опустим мы рук. / Отдыхай, Катерина. Прощай, Катерина, / Дорогой наш товарищ и друг*³⁷. В.И. Козлов подчеркивал, что «элегия на смерть <...> всегда пишется на смерть одного человека. Это не воображаемый незнакомец, судьбу которого пытается представить оказавшийся у погоста поэт, а человек, которого субъект элегического высказывания более или менее хорошо знал. <...> Смерть раскрывает лирического субъекта для другого, но это раскрытие совершается в процессе рефлексии о том, кем и чем был погибший» [Козлов, 2013, с. 71–72]. Лирический герой стихотворения действительно размышляет о прошлом Катерины: *Здесь ты борозды все босиком исходила, / Здесь бригаду впервые свою повела, / Здесь легла твоя женская бодрость и сила / – Не зазря – за большие, родная, дела*³⁸.

В других стихотворениях А.Т. Твардовский берет за основу традиционный элегический сюжет: возвращение в родные места после долгой разлуки («Сверстники», 1938, «На хуторе Загорье», 1939, «Друзьям», 1939, «Поездка в Загорье», 1939).

Также в своих стихотворениях А.Т. Твардовский обращается к прошлому и с помощью образа фотографии:

– *Она, надежды не тая, / Хранит твои скупые вести. / Желтеет карточка твоя / У ожидающей невесты...*³⁹ («Матросу», 1928);

– *Но не задает вопросов. / Фотографию позволит / Посмотреть издали мне*⁴⁰ («Друг мой вовремя уехал», 1929).

Историк А. Руйе считает, что «фотографический снимок это и не воспоминание, и не противовоспоминание; что он скорее является “включателем” воспоминания, поскольку восприятие снимка запускает настоящий процесс актуализации, встречи прошлого с настоящим» [Руйе, 2014, с. 267].

³⁶ Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1: Стихотворения (1926–1940). С. 80.

³⁷ Там же. С. 100–101.

³⁸ Там же. С. 100–101.

³⁹ Там же. С. 40.

⁴⁰ Там же. С. 46.

2. Военный период

Историк и культуролог А. Ассман считает, что нация в эпоху всеобщей воинской обязанности «воспринималась как большая семья» [Ассман, 2014, с. 117]. Б. Андерсон назвал нацию «воображенным политическим сообществом», члены которого «никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности» [Андерсон, 2016, с. 31]. В 30-е гг. советская идеология на пороге важных исторических событий перестраивается в сторону национально-патриотической политики. 15 мая 1934 г. И.В. Сталиным было подписано постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР»: «Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП(б) констатируют, что преподавание истории в школах СССР поставлено неудовлетворительно. Учебники и само преподавание носят отвлеченный, схематический характер. Вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей – учащимся преподносят абстрактное определение общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами»⁴¹. Возможно, А.Т. Твардовский также ставил перед собой литературную задачу сформировать в своих работах конструкт национальной идентичности.

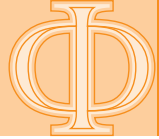
Здесь важную роль будет играть историческая память, которая, по словам Л.П. Репиной, «мобилизуется и актуализируется в сложные периоды жизни нации, общества или какой-либо социальной группы, когда перед ними встают новые трудные задачи или создается реальная угроза самому их существованию» [Репина, 2003, с. 39]. Исследовательница определяет историческую память как «одно из измерений индивидуальной и коллективной памяти», это «важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конституирования социальных групп в настоящем» [Репина, 2003, с. 10].

Во втором периоде творчества А.Т. Твардовский расширяет семейно-родовой сюжет на всю нацию. Появляется образ каждого русского человека как родного. Матерью становится каждая женщина, которая сказала доброе слово, накормила и приютила: *Запомнил женщин всех в лицо, / Как собственную мать*⁴² («Баллада о товарище», 1941–1942); братом – человек, с похожей судьбой: *Стоят они, курят вдвоем. / – Шагай, брат, теперь до победы. / Не хватит – еще поддобьем. / – Спасибо. – И словно бы другу, / Который его провожал, / Товарищ товарищу руку / Внезапно и крепко пожал*⁴³ («Армейский сапожник», 1942). Чужое горе

⁴¹ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1934 г. Отдел первый. М., 1948. С. 368.

⁴² Твардовский А.Т. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: СЛОВО, 2008. С. 95.

⁴³ Там же. С. 106.

воспринимается как свое, посторонний дом хочется защищать как собственный: Вперед, за каждый дом родной», хотя солдат не связан родственными связями с хозяйкой жилища: *Ни муж, ни брат, ни кум, ни сват / И не любовник ей, «печь для них, как для родных, / Топили в ночь тайком*⁴⁴ («Баллада о товарище», 1941–1942). Поэт создает в своих текстах «воображенное сообщество», в котором каждый готов подставить свое плечо.

С одной стороны, в названиях стихотворений фигурируют имена Героев Советского Союза: «Григорий Пулькин» (1940), «Шофер Артюх» (1940), «Иван Громак» (1943). Как отметила Л.Я. Бобрицких, «первые баллады, созданные на русской почве, получали названия по именам персонажей («Раиса» Карамзина, «Светлана» Жуковского, «Ольга», «Мстислав Мстиславич» Катенина). Именно с этими героями были связаны драматические балладные коллизии. Твардовский осовременивает этот прием <...> Не просто Артюх, а – шофер, не просто Василий Мысенков, а – сержант. Таким образом, герой Твардовского обозначается еще и по своей трудовой или социальной роли. Последнее, скорее всего, влияние стихотворного очерка...» [Бобрицких, 2015, с. 99]. В одном из своих походных блокнотов А.Т. Твардовский записал: «Я чувствую, что армия будет для меня такой же дорогой темой, как и тема переустройства жизни в деревне, ее люди мне так же дороги, как и люди колхозной деревни, да потом ведь это же в большинстве те же люди»⁴⁵. «Те же люди» не только прошли с Твардовским-поэтом коллективизацию и встретили сначала советско-финскую войну, а потом и Великую Отечественную, но и стали персонажами баллад автора. Он показывает: совершенно обычный человек может стать историческим героем, легендарной личностью для своей страны. Так, кузнец Григорий Пулькин раньше ковал металл, а сейчас разоружает врагов: *Тот к пушке подошел устало. / Металл был тепел под рукой, / И пахло, точно в кузне старой, / Огнем, окалиной сухой, / Землей натопанной. Работа / Была похожая вполне*⁴⁶. Образы реальных героев Великой Отечественной войны работали в стихотворениях советских поэтов рупорами и ролевыми моделями пропаганды героизма, превращаясь в символы стойкости для современников.

В том числе по этой причине балладные герои данного литературного периода часто не имели имени: *Был трудный бой. Все нынче, как спросонку, / И только не могу себе простить: / Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку, / А как зовут, забыл его спросить*⁴⁷ («Рассказ танкиста», 1942). Реалистическая нравственно-психологическая баллада «отразила военной трагедией развитие личности, ее самосознания, ответственности каждого перед страной и народом»

⁴⁴ Твардовский А.Т. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: СЛОВО, 2008. С. 100.

⁴⁵ Там же. С. 692.

⁴⁶ Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 2: Стихотворения (1940–1945). С. 11.

⁴⁷ Там же. С. 45.

[Страшнов, 1990, с. 105–106]. Задача поэта – воспитать такое чувство, а если нет, то *Такая боль, такой позор, / Такое злое горе, / Что словно мгла на весь твой двор / И на твоё подворье, / На всю родню твою вокруг, / На прадеда и деда, / На внука, если будет внук, / На друга и соседа*⁴⁸ («Баллада об отречении», 1942) и исключение из семьи: «*Не сын ты мне отныне. / <...> / И ты теперь оставь мой дом, / Ищи отца другого*»⁴⁹.

Балладное «моя Светлана» В.А. Жуковского становится у А.Т. Твардовского Сражался мой Иван Громак, / Боец, герой Смоленска⁵⁰. По еще одному замечанию Л.Я. Бобрицких, «это один из многих родных ему [А.Т. Твардовскому] по духу солдат на той народной войне. <...> Твардовский относится к своим персонажам с особым – родственным – теплом» [Бобрицких, 2015, с. 99]. Эти близкие отношения зародились в творчестве поэта еще в довоенном периоде:

– *И хочу трудиться так, / Жизнью жить такую, / Чтоб далекий мой земляк / Мог гордиться мною*⁵¹ («Станция Починок», (1936);

– *Страда отошла, / И земля поостыла. / И веники вяжет / Мой старый Данила*»⁵² («За тысячу верст», 1938).

Как уже было отмечено ранее, во втором периоде А.Т. Твардовский активно использовал жанр баллады и даже выводил его в названия: «Баллада о товарище» (1941–1942), «Баллада о Москве» (1942) и «Баллада об отречении». Поэт писал: «Я убежден, что “баллада”, т.е. то, в чем я могу быть силен, прекрасная форма для выражения современного военного в широком смысле материала»⁵³. А.Т. Твардовский применял традиционный для баллады стихотворный размер: трехстопный амфибрахий с чередованием женских и мужских клаузул. М.Л. Гаспаров, выявляя связь между метрикой и тематикой в поэзии, отметил, что трехстопный амфибрахий появляется в стихотворениях (и балладах) о памяти, о подвиге, о преодолении препятствий [Гаспаров, 1982].

В балладах этого периода советской литературы выдвигается тема «бессмертия героя, который подвигом приобщается к великой и вечно живущей идее, выношенной историей и закрепленной в общезначимых символах (знамя, государственный гимн, ленинский памятник). Балладные герои защищают их как святости народа, как его душу. Они жертвуют собой, чтобы историю не повернули вспять» [Страшнов, 1990, с. 87]. Солдаты «Баллады о красном знамени» (1940) А.Т. Твардовского верят, что священная для целой нации вещь

⁴⁸ Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 2: Стихотворения (1940–1945). С. 72.

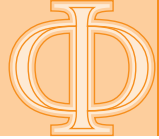
⁴⁹ Там же. С. 72–73.

⁵⁰ Там же. С. 101.

⁵¹ Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1: Стихотворения (1926–1940). С. 113.

⁵² Там же. С. 191.

⁵³ Твардовский А. «Я в свою ходил атаку...». Дневники. Письма, 1941–1945. М.: АСТ, 2023. С. 102.

сохранит жизнь в бою: *Уже считалось: никому – / И храбрецу любому – / К откосу черному тому / Не добежать живому. / <...> / Был первый Шилов, командир, – / Запомним это имя! / На тот откос он знамя нес, / Он звал нас за собою. / – Ура! За Родину! – неслоь / Над белым полем боя. / Когда ж убитым он упал, / Бежавший вслед с другими / Схватил древко боец Лупан, – / Запомним это имя. / – За мной, ребята! – крикнул он / И кинулся на взгорок. / Не добежав, он был сражен, / Но шаг и тот был дорог. / И третий знамя подхватил, / Как в беге эстафету. / Героем третьим Зубец был, – / Запомним имя это. / Его противник не скосил, / Он жив – и ныне с нами. / Он добежал, он водрузил / На взгорке наше знамя*⁵⁴. В указанном отрывке также появляется характерный для балладного стиля трехчастный повтор, о котором писал А.Н. Веселовский в «Исторической поэтике» [Веселовский, 1989, с. 206].

Где есть место для подвига, там есть место и для измены. Как известно, в инвариантной композиции баллады В.А. Жуковского существует три функции. Напомним, это сила универсального Мировпорядка (провидение/рок/судьба/ норма/закон, которые должны быть исполнены); связанный с этой силой подвижный герой, топографически и/или символически принадлежащий «иному миру»; герой, делающий роковой выбор [Анисимов, Анисимова, 2023, с. 44]. Взаимодействие этих составляющих также важная часть баллад А.Т. Твардовского. Обычно фронт – это воплощение Мировпорядка, ведь во время войны судьба солдата – быть на поле сражения: *Бывают всякие дела, – / Ну, что ж, в конце концов / Ведь нас не женщина ждала, / Ждал фронт своих бойцов*⁵⁵ («Баллада о товарище»). Перед героями, делающими роковой выбор, встает вопрос: спасти родину или дезертировать. Один герой («Баллада о товарище») обращается к Мировпорядку без всякой рефлексии о выборе: ему не избежать предназначенного судьбой. Другой («Баллада об отречении») ради матери с отцом / Решил в живых остаться⁵⁶. Судьбоносная ошибка должна привести к смерти бывшего солдата, читатель уже видит эти знаки: *Не брита с месяц борода, / Ершится – что чужая. / И в дом пришел он, как беда / Приходит вдруг большая...*⁵⁷. По словам С.Л. Страшнова, «в психологической лирике и в балладе реалистической человек борется не только с врагами, но и с самим собой» [Страшнов, 1990, с. 101]: *И, посмотрев вокруг, вокруг / Глазами не своими, / Кравцов Иван, – назвал он вслух / Свое как будто имя. / И прислонился головой /*

⁵⁴ Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 2: Стихотворения (1940–1945). С. 21.

⁵⁵ Твардовский А.Т. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: СЛОВО, 2008. С. 97.

⁵⁶ Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 2: Стихотворения (1940–1945). С. 71.

⁵⁷ Там же. С. 71.

⁵⁸ Там же. С. 74.

⁵⁹ Там же. С. 74–75.

*К стволу березы белой. / – А что ж ты, что ж ты над собой, / Кравцов Иван, наделал?*⁵⁸ Обращение «ты» принадлежит и самому герою, и автору, и, конечно, читателю, который в конце должен сделать свой выбор: *Иди, беги, спеши туда, / Откуда шел без чести, / И не прощенья, а суда / Себе проси на месте. / <...> / А может быть, еще тот суд / Свой приговор отложит, / И вновь ружье тебе дадут, / Доверят вновь. Быть может*⁵⁹. А.Т. Твардовский вновь создает «воображенное сообщество», в котором каждый несет ответственность за свои действия.

Раненый солдат «Баллады о товарище» – это «подвижный персонаж», находящийся на границе жизни и смерти. Сослуживец не оставляет его на поле сражения, а переносит в пространство живых. И здесь вновь появляется «воображенное сообщество», в котором человек не может оставить другого человека в беде: *Он отставал, он кровь терял, / Он пулю нес в груди / И всю дорогу повторял: – / Ты брось меня. Иди... / Наверно, если б ранен был / И шел в степи чужой, / Я точно так бы говорил / И не кривил душой. / А если б он тащил меня, / Товарища-бойца, / Он точно так же, как и я, / Тащил бы до конца*⁶⁰. Образ умирающего бойца перекликается с «женихом-мертвецом» балладного канона, появляющегося ночью. Роль подвижного героя, который принадлежит «иному миру», также берут на себя образы погибших в стихотворениях «У славной могилы» (1943) и «Я убит подо Ржевом» (1945–1946). В первом случае появляется образ мертвеца, который ожидает возвращения сослуживцев: *Тогда оставляли тебя, / А нынче, родимый, ты с нами*⁶¹. А во втором случае безымянный павший воскресает из могилы и становится лирическим субъектом.

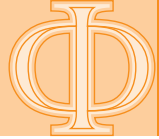
В.И. Тюпа считал, что система ценностей баллады опирается на поляризацию «своего» и «чужого» [Тюпа, 2013, с. 129]. Это отвечает на идеологический запрос военного времени: конструирование образа врага, которому противостоит единое отечество: *Вдоль развороченных дорог / И разоренных сел / Мы шли по звездам на восток, – / Товарища я вел. / <...> / Наверно, если б ранен был / И шел в степи чужой, / Я точно так бы говорил / И не кривил душой. / <...> / Быть может, кто-нибудь иной / Расскажет лучше нас, / Как горько по земле родной / Идти, в ночи таясь. / Как трудно дух бойца беречь, / Чуть что скрываясь в тень. / Чужую, вражью слушать речь / Близ русских деревень. / <...> / И, постояв еще вдвоем, / Два друга, два бойца, / Мы с ним пошли. И мы идем / На Запад. До конца*⁶² («Баллада о товарище»).

Отметим здесь развивающиеся образы опустевшего дома и заброшенной печи из первого периода творчества А.Т. Твардовского. Если сравнить «На старом дворе» (1939) и представленный фрагмент из «Баллады о товарище» (1941–1942),

⁶⁰ Твардовский А.Т. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: СЛОВО, 2008. С. 94.

⁶¹ Там же. С. 109.

⁶² Там же. С. 94–95, 100.

можно проследить, что поэт использует для описания идентичные слова, хотя причины разрушения, конечно, разные:

«На старом дворце» (1939)
*С полуобрушенной трубой,
Как будто памятник кирпичный,
Стоит она сама собой.
Вокруг солома в беспорядке,
Костра сухая с потолка,
Плеть, поваленный на грядки,
И рытый след грузовика.*⁶³

«Баллада о товарище» (1941–1942)
*И печь с обрушенной трубой
Теперь на месте том.
Да сорванная, в стороне,
Часть крыши. Бедный хлам,
Да черная вода на дне
Оплывших круглых ям.*⁶⁴

Во втором периоде вновь появляется образ матери. Но это уже не «Митрофановна моя», а родина-мать, которая вдохновляет на желание жить, быть стойким и мужественным, объединяет людей в борьбу за победу. Это мать-земля, которая напоминает о спокойной деревенской счастливой жизни до войны:

– *Родные великие люди, / Россия, родимая мать*⁶⁵ («Армейский сапожник», 1942);

– *Зябкой ночью солдатской / В сорок первом году / Ехал я из-под Гжатска / На попутном борту. / ... / Тьма предместий вокзальных / И – Москва. И над ней / Горделивый, печальный / Блеск зенитных огней. / И просились простые / К ней из сердца слова: / «Мать родная, Россия, / Москва, Москва...» / В эти горькие ночи / Ты поистине мать, / Та, что детям не хочет / Всей беды показать*⁶⁶ («Москва», 1947).

3. Послевоенный период

А. Ассман в работе «Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика» приводит цитату из «Erbchaft der Schuld» Йена Бурума: «Ритуальное выражение скорби и утраты укрепляет чувство преемственности и общности» [Ассман, 2014, с. 117]. Исследовательница считает, что «по окончании войны перед нацией встает задача включения павших в сообщество выживших. “Сохранением” погибших в коллективной памяти нация упрочивает сознание собственной идентичности» [Там же]. Слова историка соотносятся с мыслями А.Т. Твардовского, описанными поэтом в своем дневнике по поводу интенции создания стихотворения «Я убит подо Ржевом»: «Стихи эти продиктованы мыслью и чувством, которые на протяжении всей войны и в послевоенные годы более

⁶³ Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1: Стихотворения (1926–1940). С. 198.

⁶⁴ Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 2: Стихотворения (1940–1945). С. 65.

⁶⁵ Твардовский А.Т. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: СЛОВО, 2008. С. 106.

⁶⁶ Там же. С. 131–132.

всего заполняли душу. Навечное обязательство живых перед павшими за общее дело, невозможность забвенья, неизбывное ощущение как бы себя в них, а их в себе, – так приблизительно можно определить эту мысль и чувство. <...> Форма первого лица в “Я убит подо Ржевом” показалась мне наиболее соответственной идее единства живых и павших “ради жизни на земле”»⁶⁷.

Закономерно усиление темы памяти в послевоенное время: даже статистически этих стихотворений значительно больше. Автор выбирает применительно к памяти исключительно эпитет «жестокая», ведь абсолютно все вокруг мучительно напоминает лирическому герою о мирной жизни до войны:

– *Кремль зимней ночью при луне, / Ты чуден древностью высокой / И славен с нею наравне / Недавней памятью жестокой*»⁶⁸ («Кремль зимней ночью», 1946);

– *Куда ни взгляну, ни пойду я – / Жестокая память жива*⁶⁹ («Жестокая память», 1951);

– *Ни ночи нету мне, ни дня, / Ни отдыха, ни срока: / Моя задолженность меня / Преследует жестоко*⁷⁰ («Ни ночи нету мне, ни дня», 1955).

Так, стихотворение «Жестокая память» (1951) условно можно поделить на две части, где первая повторяет фразы из текстов довоенного периода (воспоминания о мирной жизни до войны остались прежними):

«За тысячу верст» (1938)

Где жизнь начиналась,

Береза цвела,

Где самая первая

Юность прошла.

...

И шумы лесные,

И говоры птичьи,

И бедной природы

Простое обличье;

И стежки, где в поле

Босой я ходил

С пастушеским ветром

*Один на один*⁷¹.

«Жестокая память» (1951)

Повеет в лицо, как бывало,

Соснового леса жарой,

Травую, в прокосах обвялой,

Землей из-под луга сырой.

А снизу, от сонной речушки,

Из зарослей – вдруг в тишине

Послышится голос кукушки,

Грустящей уже о весне.

Июньское свежее лето,

Любимая с детства пора.

Как будто я встал до рассвета,

Скотину погнал со двора.

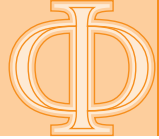
⁶⁷ Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 5: Статьи и заметки о литературе. Речи и выступления (1933–1970). С. 209–210.

⁶⁸ Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 3: Стихотворения (1946–1970). С. 9.

⁶⁹ Там же. С. 53.

⁷⁰ Там же. С. 76.

⁷¹ Твардовский А.Т. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: СЛОВО, 2008. С. 76.

«Матери» (1927)

Я помню осиновый хутор
И детство – разбегом коня...
Я помню, ты каждое утро
Корову пасла за меня.

...

Ты – тихая и простая –
Корову кормила в кустах...

Ногами росу обсыпала,
Сбирала грибы на заре...
А с солнышком все просыпалось
На вызолоченном дворе.

И шел я на позднюю смену,
Спешила ты печь затоплять...
И пахло подкошенным сеном,
И тихо дымились поля⁷².

Я все это явственно помню:

Росы ключевой холодок,
И утро, и ранние полдни –
Пастушеской радости срок;

И солнце, пекущее спину,
Клонящее в сон до беды,
И оводов звон, что скотину
Вгоняют, как в воду, в кусты;

И вкус горьковато-медовый, –
Забава ребячьей поры, –
С облупленной палки лозовой
Душистой, прохладной мездры,

И все это юное лето,
Как след на росистом лугу,
Я вижу. Но памятью этой
Одною вздохнуть не могу⁷³.

Но со временем у лирического героя появились и другие воспоминания, жесткие, и стихотворение резко меняет пасторальную интонацию: *Мне память иная подробно / Свои предъявляет права. / Опять маскировкой окопной / Объявляя пахнет трава, / И запах томительно тонок, / Как в детстве далеком моем, / Но с дымом горячих воронок / Он был перемешан потом; / С угарною пылью похода / И солью солдатской спины. / Июль сорок первого года, / Кипящее лето войны! / От самой черты пограничной – / Сражений грохочущий вал. / Там детство и юность вторично / Я в жизни моей потерял... / Тружусь, и живу, и старею, / И жизнь до конца дорога, / Но с радостью прежней не смею / Смотреть на поля и луга; / Росу обивать молодую / На стежке, заметной едва. / Куда ни взгляну, ни пойду я – / Жестокая память жива. / И памятью той, вероятно, / Душа моя будет больна, / Покамест бедой невозвратной / Не станет для мира война⁷⁴.*

В третьем периоде возникает мотив связи поколений. Лирический герой большого количества стихотворений надеется, что опыт войны и воспоминания об этой трагедии останутся в памяти будущего:

– *До дней далеких донеси / То отраженье, гордый камень, / И подвиг нынешней Руси / Да будет будущему в память!*⁷⁵ («Кремль зимней ночью», 1946);

⁷² Твардовский А.Т. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: СЛОВО, 2008. С. 23.

⁷³ Там же. С. 139–140.

⁷⁴ Там же. С. 140.

⁷⁵ Там же. С. 126.

– *Но вновь и вновь появится листва, / И наши дети вырастут и внуки, / А гром пальбы в любые торжества / Напомнит нам о той большой разлуке*⁷⁶ («В тот день, когда окончилась война», 1948);

– *Солдатский сын, что вырос без отца / И раньше срока возмужал заметно, / Ты памятью героя и отца / Не отлучен от радостей заветных. / ... / То прежде ты – завет тебе один, – / Ты только вспомни, мальчик, чей ты сын*⁷⁷ («Сыну погибшего воина», 1949–1951);

– *Посаженные дедом дерева, / Как сверстники твои, вступали в силу, / И пережили твоего отца, / И твоему еще предстанут сыну / Деревьями*⁷⁸ («Посаженные дедом дерева», 1965).

Знаковым становится появление образа деда, с помощью которого воссоединяются все три звена поколений. В последнем примере к образам прошлого и настоящего добавляется будущее и с помощью образа дерева. В одноименном стихотворении 1966 г. береза олицетворяет собой историческое время, родовую память. Подтверждение этому найдем в символах мифов народов мира: «С помощью Древа мирового различимы: основные зоны вселенной – верхняя (небесное царство), средняя (земля), нижняя (подземное царство) (пространственная сфера); прошлое – настоящее – будущее (день – ночь, благоприятное – неблагоприятное время года), в частности в генеалогическом преломлении: предки – нынешнее поколение – потомки (временная сфера)»⁷⁹. Параллельно в стихотворении возникает образ исторической, а не личной старины: береза «с кладбищенского сельского бугра» зеленела и при Иване Грозном, и вздрагивала от грохота во время боев на фронте, и рябела среди проносившихся у Кремля машин: *Какая есть – тебе предстанет вся, / Запас диковин мало твой пополнит, / Но что-то вновь тебе напомнит, / Чего вовеки забывать нельзя*⁸⁰ («Береза», 1966).

В третьем периоде появляется феномен календаря, который напоминает о важном историческом событии. Автор выводит его в заголовок – «В тот день, когда окончилась война» (1948), «9 мая» (1950), «22 июня 1941 года» (1950), «Есть имена и есть такие даты» (1966) – или использует внутри текста:

– *праздник нынешних побед*⁸¹ («Та кровь, что пролита не даром», 1957);

– *Не замолить по праздникам вины*⁸² («Есть имена и есть такие даты», 1966);

– *Минувший век – / Еще не вечность, / Но и в предбудущих веках / От этой боли не отречься, / Не уберечься нам никак*⁸³ (1969).

⁷⁶ Твардовский А.Т. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: СЛОВО, 2008. С. 135.

⁷⁷ Там же. С. 138.

⁷⁸ Там же. С. 173.

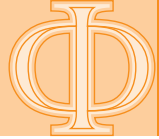
⁷⁹ Топоров В.Н. Древо мировое: энциклопедическая статья // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1987. Т. 1. С. 399.

⁸⁰ Твардовский А. Т. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: СЛОВО, 2008. С. 189.

⁸¹ Там же. С. 154.

⁸² Там же. С. 185.

⁸³ Там же. С. 204.

После войны мотив памяти в творчестве А.Т. Твардовского вновь трансформируется из образов масштабных сообществ в переживания личные, семейные. В 1965 г. умирает мать А.Т. Твардовского, Мария Митрофановна, и поэт создает цикл «Памяти матери» (1965), в который помещает четыре стихотворения. В первом тексте появляется мотив прощания с мамой в разные периоды жизни ребенка: когда он впервые покидает дом родителей, чтобы поскорее вырасти и стать самостоятельным; когда заводит собственную семью; когда мама умирает. Во втором стихотворении автор вновь обращается к образу опустевшего дома и вспоминает о материнской мечте о возвращении в родные места. В третьем, эмоционально самом тяжелом, стихотворении поэт описывает работу могильщиков, для которых похороны матери – это обычный процесс. Последнее стихотворение, однако, жизнеутверждающее. В нем лирический герой и его еще живая мать разговаривают о прошлом. Рефреном звучат строчки народной песни: «Перевозчик-водогребщик, / Парень молодой (а в последней строфе «старичок седой» в образе героя греческой мифологии Харона – перевозчика душ умерших через реку), / Перевези меня на ту сторону, / Сторону – домой⁸⁴ («Ты откуда эту песню, мать, на старость запасла...»). Часто пересечение границы «подвижным героем» (по предыдущим трем стихотворениям читатель уже знает, что мать лирического героя мертва) связано с локусом воды, символизирующей одновременно память, забвение и историю. В потустороннем мире мечта матери лирического героя вновь оказаться в родном доме осуществляется.

О судьбе послевоенных стихотворений написали дочери поэта: «“Святой памяти” павших посвящены лучшие послевоенные стихи поэта. Среди них “Я убит подо Ржевом”, “В тот день, когда окончилась война”, “Та кровь, что пролита недаром”. Они трудно пробивались в печать, так как не соответствовали насаждаемому в литературе казенному оптимизму, исключавшему всякие раздумья о смерти» [Твардовская В., Твардовская О., 2023, с. 27–28].

Минувший век – еще не вечность, / Но и в пребудущих веках / От этой были не отречься, / Не уберечься нам никак. / Что нынче счесть большим, что малым – / Как знать, но люди – не трава, / Не обратить их всех навалом / В одних непомнящих родства. / Пусть очевидцев поколенья / Сойдут по-тихому на дно, / Благополучного забвенья / Природе нашей не дано. / / И, может быть, с того платили / В войне мы платою тройной, / Что утаили / Эти были / Про черный день перед войной⁸⁵ (1969).

Выводы. Тема памяти в творчестве А.Т. Твардовского эволюционировала от индивидуальных воспоминаний о семье и доме до выражения всеобщего опыта войны, а затем вновь вернулась к переживаниям о личных утратах. Ключевую роль в текстах поэта играют жанровые формы элегии и баллады, используемые автором для проявления индивидуальной и коллективной памяти. Если элегия преимущественно связана с памятью отдельно взятого героя, то баллада – с памятными событиями для всей нации. В послевоенных стихотворениях

⁸⁴ Твардовский А. Т. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: СЛОВО, 2008. С. 179.

⁸⁵ Там же. С. 204. Стихотворение при жизни автора не публиковалось.

А.Т. Твардовского особое значение приобретают проблемы преемственности поколений и сохранения памяти об умерших.

Библиографический список

1. Акаткин В.М. Александр Твардовский и время. Служение и противостояние: статьи. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.
3. Анисимов К.В., Анисимова Е.Е. Очерки теории и истории русской баллады. Жанрологическое исследование: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2023.
4. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014.
5. Бобрицких Л.Я. Жанр баллады в поэзии А.Т. Твардовского военных лет // Литературное наследие А.Т. Твардовского в смене поколений: сб. матер. науч.-практ. конф.). Смоленск: Свиток, 2015. С. 90–100.
6. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989.
7. Вильям-Вильмонт Н. Заметки о поэзии А. Твардовского // Знамя. 1946. № 11–12. С. 200.
8. Гаспаров М.Л. Семантический ореол трехстопного амфибрахия // Проблемы структурной лингвистики. 1980. М.: Наука, 1982. С. 174–191.
9. Козлов В.И. Русская элегия неканонического периода: очерки типологии и истории. М.: ЯСК, 2013.
10. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003.
11. Руйе А. Фотография. Между документом и современным искусством. СПб.: Клаудберри, 2014.
12. Страшнов С.Л. «Молодеет и лад баллад»: Литературно-критические статьи. М.: Современник, 1990.
13. Твардовская В., Твардовская О. Об этой книге (вступительная статья) // «Я в свою ходил атаку...». Дневники. Письма, 1941–1945. М.: АСТ, 2023. С. 5–29.
14. Туманова С.Р. Антиномия жизнь – смерть и ее образное воплощение в поэме А.Т. Твардовского «Дом у дороги» // Вестник РУДН. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2009. № 2. С. 28–36.
15. Туманова С.Р. «Время, время, как ветер, шапку рвет с головы» (к проблеме художественного времени в лирике А.Т. Твардовского) // Ученые записки ОГУ. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 6. С. 268–277.
16. Тюпа В.И. Дискурс / Жанр. М.: Intrada, 2013.
17. Чудакова М. «Военное» стихотворение Симонова «Жди меня...» (июль 1941 г.) в литературном процессе советского времени // НЛО. 2002. № 6. С. 223–259.

Сведения об авторе

Суровцева Кристина Александровна – аспирант кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: kris.surov@yandex.ru

HISTORICAL MEMORY IN A.T. TVARDOVSKY'S POEMS AS A COMPLEX OF FAMILY AND ANCESTRAL MOTIFS

K.A. Surovtseva (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article is devoted to the study of the poetic representation of historical memory in the poems of A.T. Tvardovsky. The work is based on the analysis of the key motifs of the pre-war, military and post-war stages of the poet's creative work.

The purpose of the article is to identify through which motional and genre aspects the theme of memory is realized in each period of A.T. Tvardovsky's work.

Methodology. The work is performed at the intersection of several productive analytical approaches – historical poetics, genre science as its component, modern studies of the commemorative aspect of culture.

Research results. Genre forms of elegy and ballads, used by him to manifest individual and collective memory, play a key role in the poet's texts. If an elegy is primarily associated with the memory of a single hero, then a ballad is associated with memorable events for the entire nation. In the post-war poems of A.T. Tvardovsky, the problems of generational succession and the preservation of the memory of the dead are of particular importance.

Conclusion. The theme of memory in A.T. Tvardovsky's work evolved from individual memories of family and home to expressing the universal experience of the war, and then returned to feelings of personal loss.

Keywords: *A.T. Tvardovsky, Soviet literature memory theme about the Great Patriotic War (WWII), elegy, ballad.*

References

1. Akatkin V.M. Alexander Tvardovsky i vremya. Sluzhenie i protivostoyanie: stat'i [Alexander Tvardovsky and time. Service and Opposition: articles]. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2006. 258 p.
2. Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostranении nacionalizma [Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Moscow, Kuchkovo Pole, 2016, 416 p.
3. Anisimov K.V., Anisimova E.E. Ocherki teorii i istorii russkoj ballady. Zhanrologicheskoe issledovanie: monografiya [Essays on the theory and History of the Russian ballad. Genre research: a monograph]. Krasnoyarsk, Sibirskij federal'nyj universitet, 2023, 312 p.
4. Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [The long shadow of the past: memorial culture and historical politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 p.
5. Bobritskikh L.Ya. Zhanr ballady v poezii A.T. Tvardovskogo voennyh let [The genre of ballads in the poetry of A.T. Tvardovsky during the war years]. Literaturnoe nasledie A.T. Tvardovskogo v smene pokolenij (sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferencii) [The literary legacy of A.T. Tvardovsky in the change

- of generations (collection of materials of the scientific and practical conference)]*. Smolensk, Svitok, 2015, 90–100.
6. Veselovsky A.N. *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow, Vysshaya shkola, 1989, 406 p.
 7. William-Wilmont N. *Zametki o poezii A. Tvardovskogo* [Notes on the poetry of A. Tvardovsky]. In: *Znamya* [Banner], 1946, 11–12, 200.
 8. Gasparov M.L. *Semanticheskij oreol trekhstopnogo amfibrahiiya* [The semantic halo of the three-foot amphibrachium]. In: *Problemy strukturnoj lingvistiki* [Problems of structural linguistics], 1980, Moscow, Nauka, 1982, 174–191.
 9. Kozlov V.I. *Russkaya elegiya nekanonicheskogo perioda: ocherki tipologii i istorii* [Russian elegy of the non-canonical period: Essays on typology and History]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2013, 280 p.
 10. Repina L.P. *Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki)* [Cultural memory and problems of historiography (historiographical notes)]. Moscow, Gosudarstvennyj universitet "Vysshaya shkola ekonomiki", 2003, 44 p.
 11. Rouyer A. *Fotografiya. Mezhdokumentom i sovremennym iskusstvom* [Photography. Between the document and modern art]. St. Petersburg, Klaudberri, 2014. 712 p.
 12. Strashnov S.L. "Molodeet i lad ballad": *Literaturno-kriticheskie stat'i*. ["Getting younger and the harmony of ballads": Literary and critical articles]. Moscow, Sovremennik, 1990, 155 p.
 13. Tvardovskaya V., Tvardovskaya O. *Ob etoj knige (vstupitel'naya stat'ya)* [About this book (introductory article)]. In: "Ya v svoyu hodil ataku..." *Dnevnik. Pis'ma 1941–1945* ["I went to my attack ..." Diaries. Letters, 1941–1945]. Moscow, AST, 2023, 5–29.
 14. Tumanova S.R. *Antinomiya zhizn'-smert' i eyo obraznoe voploshchenie v poeme A.T. Tvardovskogo "Dom u dorogi"* [The antinomy of life and death and its figurative embodiment in A.T. Tvardovsky's poem "House by the Road"]. In: *Vestnik RUDN. Seriya Literaturovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of the RUDN University. A series of Literary Studies. Journalism], 2009, 2, 28–36.
 15. Tumanova S.R. "Vremya, vremya, kak veter, shapku rvyot s golovy" (k probleme hudozhestvennogo vremeni v lirike A.T. Tvardovskogo) ["Time, time, like the wind, tears the hat off your head" (on the problem of artistic time in the lyrics of A.T. Tvardovsky)]. In: *Uchyonye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* [Scientific notes of OSU. Series: Humanities and Social Sciences], 2011, 6, 268–277.
 16. Tyupa V. I. *Diskurs / Zhanr* [Discourse / Genre]. Moscow, Intrada, 2013. 212 p.
 17. Chudakova M. "Voennoe" stihotvorenie Simonova "Zhdi menya..." (iyul' 1941 g.) v literaturnom processe sovetskogo vremeni [Simonov's "Military" poem "Wait for me..." (July 1941) in the literary process of the Soviet era]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2002, 6, 223–259.

About the author

Surovtseva, Kristina A. – PhD Candidate, Department of Russian Language, Literature and Verbal Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: kris.surov@yandex.ru